

НОВЫЙ ГЛАСНЫЙ СУД В ТВОРЧЕСТВЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Тема «Достоевский и признание», как она пародийно осмыслена М. А. Булгаковым в романе «Мастер и Маргарита»,¹ может быть рассмотрена с точки зрения юридического анализа, производимого Достоевским. Писатель не изучал уголовное право, но внес значительный вклад в эту науку. Учитывая факт личного знакомства писателя с А. Т. Неофитовым, можно предположить, что знания ученого повлияли на интерес Достоевского к юриспруденции и стали источником сведений в этой сфере, при этом связь романа с нашумевшей историей в литературоведении до сих пор не осмыслена. Неофитов — знакомый Достоевскому профессор всемирной истории, и можно предположить, что он может быть интересен исследователям как ученый, знания которого повлияли на профессионализм Достоевского по юридической проблематике.

Другой знакомый писателя, вице-директор Департамента Министерства юстиции А. Ф. Кони вошел в историю юридической науки благодаря значительному наследию, и наиболее известным стал его очерк «Нравственные начала в уголовном процессе».² О «нравственных началах» как понятии, введенном Достоевским, в значительной мере пойдет речь в настоящей статье.

От внимания литературоведов укрылось, что Достоевский, к примеру, успешно отстаивал, обращаясь к Кони, свою правовую позицию по делу Е. П. Корниловой, считая, что осужденная должна быть оправдана, что и произошло впоследствии.³ Достоевский ссылаясь на аргументы, чрезвычайно важные в современных уголовно-правовых исследованиях: участие детей в судебном процессе в значительной мере определяет его особенности (аргументация необходимости ювенальной юстиции), наказание родителей за правонарушения против детей (при изоляции виновных от общества) влечет неблагоприятные последствия для самих детей; беременность в определенных случаях может приводить к незыблемому состоянию.

Кони считал значительным вклад Достоевского в юриспруденцию, несмотря на то что его идеи были высказаны в беллетристической форме.

Термины «нравственные начала» (уголовного процесса) и «новый гласный суд» были впервые произнесены Достоевским в романе «Братья Карамазовы». Оба они впоследствии вошли в узуальное употребление в научной юридической литературе,⁴ но «нравственные начала» стали более распространенным термином. Однако понятие «новый гласный суд» вынесено в название настоящей статьи, поскольку, как представляется, оно наиболее точно отражает те перемены, которые произошли в отечественном судопроизводстве за прошедшие полтора века. Несмотря на то

¹ «Так вот, чтобы убедиться в том, что Достоевский — писатель, неужели, же нужно спрашивать у него удостоверение? Да возьмите вы любых пять страниц из любого его романа, и без всякого удостоверения вы убедитесь, что имеете дело с писателем» (Булгаков М. А. Собр. соч.: В 10 т. / Сост., предисловие, подг. текста В. Петелина. М., 1999. Т. 9: «Мастер и Маргарита». С. 482—483).

² Кони А. Ф. Нравственные начала в уголовном процессе (общие черты судебной этики) // Кони А. Ф. Собр. соч.: В 8 т. / Под общ. ред. В. Г. Базанова, А. Н. Смирнова, К. И. Чуковского. М., 1967. Т. 4. С. 33—69.

³ Кони А. Ф. Федор Михайлович Достоевский // Кони А. Ф. Собр. соч. Т. 6: Статьи и воспоминания о русских литераторах. С. 417—418.

⁴ Термин «новый гласный суд» использует Г. А. Джаншиев: «...представители нашей старой университетской науки (...) стали заменять в своих старых тетрадках восторженные похвалы старому строю скромным и нерешительным указанием на достоинство нового гласного суда...» (Джаншиев Г. А. Из эпохи великих реформ (Освобождение крестьян. — Отмена телесного наказания. — Цензурная реформа. — Новый суд и пр.): Исторические справки. М., 1892. С. 218).

что современный правовед назвал бы новое (действующее с 1864 года) уголовное производство скорее состязательным, чем гласным (что подразумевается, но не характеризует тип правового установления), судебный процесс, как видится, не перешел к равносильному поединку между сторонами обвинения и защиты. Состязательность в полной мере выразилась в гласной парадоксальности, которую обеспечило участие адвоката, и это тонко предсказал Достоевский.

В его произведениях показано, что присутствие официального защитника обвиняемого — одна из основных черт нового суда. Но юридически односторонняя стезя полна противоречий — ограниченный рамками судебной стороны риторик ищет денег и самодовлеюще красноречив. Об этом вскользь говорится уже в романе «Идиот»⁵ и более полно — в «Братьях Карамазовых».

Замысел романа «Преступление и наказание» был связан с принятием Устава уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 года. Высочайше утвержденное 11 октября 1865 года Мнение Государственного совета по ряду вопросов, связанных с функционированием системы, учрежденной Уставами, составило часть пятую в издании Государственной канцелярией в Санкт-Петербурге четырех Уставов, принятых в ходе отечественной Судебной реформы 1864 года.⁶ Таким образом, непосредственно временем введения «нового гласного суда» (включая необходимый мониторинг, сопровождающий введение законодательных актов такого масштаба), являются 1864—1865 годы.

Связанный с проводимой реформой неосуществленный замысел романа «Пьяненькие», который явился одним из звеньев в работе над романом «Преступление и наказание», упоминается Достоевским вплоть до лета 1865 года.⁷

Созданный синхронно установлению в России нового гласного суда, роман «Преступление и наказание» стал зеркалом всплеска народной воли к просвещению, создания органичной модели правовых отношений нового уголовного судопроизводства, выраженной в литературно-художественных образах.

Эта модель сложения следователем своего внутреннего убеждения по уголовному делу из стремительных испытаний (проверок), рассчитанных на вызов невольных самообличительных поступков подозреваемого. Она основана на «пробуждении спящих до времени» подсознательных желаний, воспоминания преступником деталей содеянного, стремления осуществить либо усилить меры сокрытия его следов.

Раскольников все больше хочет проверить, насколько они «удачно спрятаны» (психологически, в его сознании) — идет на место преступления, звонит в колокольчик, вызывает подозрение мещанина. Услышав признание своей вины Николаем, под влиянием умелых действий Порфирия Петровича мещанин разубеждается в виновности главного героя, сообщает ему об этом. Самооговора Николая, чреватого судебной ошибкой, в практике могло и не быть, но не могло не быть — в аргументации нового судопроизводства. Подобный прием использован в очерке Кони о нравственных началах уголовного процесса как грань возможной логики вещей, жизненной правды, когда идет речь о религиозном фанатике, решившем взять на себя вину в том, чего не совершал: «Какая разница между явкой с повинною вслед-

⁵ Желаящий получить пятьдесят, а не пять рублей гонорара, адвокат выбирает для защиты заведомого мошенника и увлекается: «...вспомните, говорит, нелепые господа судьи, что печальный старец, без ног, живущий честным трудом, лишается последнего куса хлеба; вспомните мудрые слова законодателя: „Да царствует милость в судах“. И верите ли: каждое утро он нам здесь эту же речь пересказывает, точь-в-точь как там ее говорил; пятый раз сегодня; вот перед самым вашим приходом читал, до того понравилось. Сам на себя облизывается» (Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1973. Т. 8. С. 161—162. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием в скобках номера тома и страницы арабскими цифрами).

⁶ См.: Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные Государственною канцеляриею. [Б. м., 1864]. Ч. 5.

⁷ Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: В 3 т. / Сост. И. А. Битюгова, В. А. Викторович, Е. И. Кийко, Т. И. Орнатская. СПб., 1999. Т. 2. С. 36.

ствие тяжелых угрызений совести <...> и восторженным желанием „принять страдание” хотя бы и за вымышленную вину, свойственным некоторым мрачным религиозным энтузиастам!»⁸ По-видимому, этот пример взят юристом из художественной модели, поскольку, описывая подробно реальные дела, попавшие в поле зрения Достоевского, например, Корниловой, Засулич и др., уделив юридическому анализу его творчества немало сил, Кони нигде не упоминает возможного реального прототипа Николки.

Мысль о совершении Раскольниковым преступления то акцентируется, то отходит на второй план, двигаясь благодаря усилиям Порфирия Петровича не по траектории маятника, а по восходящей — от первоначальной к установленной картине преступления.

В итоге у убийцы возникает желание сознаться и раскаяться. Следовательно показан сочувствующим и не брезгливым в содействии очищению совести обвиняемого: «Эй, жизнью не брезгайте!» (6, 351).

«Психология о двух концах» — метафора, которую Достоевский использовал, чтобы подчеркнуть, что психологии не свойственна арифметическая точность. Порфирий Петрович так объясняет этот прием Раскольникову: «...и сам я вам откровенно признавался, уже несколько раз, что психология эта о двух концах и что второй-то конец больше будет, да и гораздо правдоподобнее, а что, кроме этого, против вас у меня пока и нет ничего» (6, 349—350).

В романе «Братья Карамазовы» адвокат в суде рассматривает последний эпизод покушения на Григория Васильева с точки зрения «психологии о двух концах»: Дмитрий, уже забравшись на забор, прыгнул зачем-то к поверженному от полученного удара Григорию. Он пожалел потерпевшего, пытался приложить платок, не понимая впопыхах, как он может помочь. Но обвинитель настаивал на том, что подсудимый прыгнул для проверки, жив ли единственный свидетель убийства. Адвокат резонно обращает внимание на то, что, если бы его подзащитный боялся оставить в живых свидетеля, то ударил бы повторно, но вместо этого он отшвырнул пестик (14, 429—430).

Если бы грабитель был опытен, считает прокурор, то не обронил бы на полу флигеля обертку от пачки денег. Но суд разбирает иной случай: «Нет, именно так должен был поступить убийца испуганный, уже плохо рассуждающий, убийца не вор и никогда ничего до тех пор не укравший...» (15, 142—143). Однако Смердяков, открывшийся Ивану в совершении убийства, сознался и в фабриковании против Дмитрия этой психологической улики — брошенной обертки. В порыве откровенности Смердяков говорит: «...будь это похититель, как бы я, например, то он бы просто сунул этот пакет в карман <...> Совсем другое тут Дмитрий Федорович <...> пакет тут же бросили, уже не успев рассудить, что он уликой им после них останется, потому что они вор непривычный-с...» (15, 66).

Что же получается? В новом гласном суде от фабрикации улик найдена панацея в виде психологии. Однако в действительности психологические улики тоже можно сфабриковать, поэтому и появилось выражение «психология о двух концах».

Дважды прокурор произносит слово «стыдно», оба раза — чтобы не ошибиться в знании реальной действительности. Одно из «стыдных» (в смысле нереальности суждения) предположений — о том, что убийство Федора Павловича совершил Смердяков, — по сюжету составляет объективную истину: «Господа, вы смеетесь? Мне самому стыдно делать такие предположения <...> он встал, пошел, убил и ограбил» (15, 139—140).

Возвращаясь непосредственно к влиянию творчества Достоевского на научную юридическую мысль, структурно предопределенными можно считать понятия формирования улик (о пробуждении улик поведения говорилось в связи с романом

⁸ Кони А. Ф. Нравственные начала в уголовном процессе. С. 57.

«Преступление и наказание»)⁹ и свободы версии, а также обоснование недопустимости направления судебной риторики против репутации потерпевших, особенно — детей.¹⁰ Свобода версии — свобода доказательств — позволяет не ограничиваться зашоренными рамками обсуждения рассматриваемого события.¹¹ В романе «Братья Карамазовы» показано, как формируется научно-правовая парадигма, маскируемая под вид парадигмы бихевиоризма (мгновенной неосознанной реакции), которая выражается посредством слова «стыдно», но употребляемого не по поводу осуждения, а в связи с недоумением, курьезным случаем.

Достоевский, вводя в речь прокурора в романе двукратное употребление слова «стыдно» (в контексте — ему неловко говорить о совершении преступления Григорием либо его женой или Смердяковым), обозначил тенденцию представителей правоохранительной сферы безапелляционно отклонять версии и доводы защиты о совершении преступления другим лицом (не обвиняемым). К такому подходу призывал Достоевский, создавая художественный образ прокурора, не заметившего настоящего преступника.

С другой стороны, квазибихевиорическая парадигма понятия «стыдно» отражает проблему свободы версий. Если следователь или прокурор связаны опасением попасть в смешное положение (настолько далеко ушла их мысль от хода событий), то они могут не добраться до сути произошедшего.

Прокурор в романе «Братья Карамазовы» не открыт искренности, лжет по важнейшим вопросам,¹² используя бихевиорическую парадигму «стыдно» во втором значении («как бы сказанное не было осмеяно, поскольку противоречит здравому смыслу»). Достоевский тонко показал этим механизм действия нравственных начал уголовного судопроизводства.

Как провозгласил прокурор Ипполит Кириллович в романе «Братья Карамазовы», «где же причины нашего равнодушия, нашего чуть тепленького отношения к таким делам, к таким знамениям времени, пророчествующим нам незавидную будущность? (...) В расшатанных ли до основания *нравственных началах* наших (...) Наша начинающаяся, робкая еще наша пресса оказала уже, однако, обществу некоторые услуги, ибо никогда бы мы без нее не узнали, сколько-нибудь в полноте, про те ужасы (...), которые беспрерывно передает она на своих страницах уже всем, не одним только посещающим залы *нового гласного суда*, дарованного нам в настоящее царствование» (15, 123—124; курсив мой. — Е. С.).

В очерке о нравственных началах уголовного процесса Кони говорит, что отныне законодательные установления не подвергнутся значительному изменению, необходимо развивать лишь нравственные основы судопроизводства. Термин «нравственные начала» взят им у Достоевского, из романа «Братья Карамазовы», из слов неявно, но все же порицаемого героя — профессионально нечестного прокурора, а мысль о неизменности закона — у Великого инквизитора.

⁹ См.: Селина Е. В. Свобода оценки доказательств в отечественном уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 6. С. 1197—1201.

¹⁰ См.: Селина Е. В. Свобода версии — необходимость и новые вызовы // Адвокатская практика. 2018. № 4. С. 18—20.

¹¹ См.: Селина Е. В. Актуальные проблемы участия адвоката в суде по уголовному делу // Там же. 2017. № 5. С. 55—58.

¹² Прокурор выдумал слух о размене Иваном Карамазовым двух пятипроцентных билетов по пяти тысяч каждый и ввел в заблуждение присяжных заседателей, упоминая об этом, хотя, во-первых, из романа ясно, что ничего подобного он не слышал, во-вторых, сказанное им самим, а не свидетелями, прокурор не вправе преподнести как исследованный факт, и, в-третьих, слухи не могут рассматриваться как средства доказывания. То обстоятельство, что у Ивана была собственная крупная сумма денег, опровергало исключительность возможности получения им представленных в суд денег от Смердякова. Несправедливо вычеркнутый из разбирательства, этот пункт значительно снизил шансы на вывод о невиновности Дмитрия ввиду доказанности виновности Смердякова. Прокурор солгал, что Дмитрий с первых же слов пытался обвинить Смердякова, — герой, напротив, отказался от этого.

Между строками легенды звучит мысль о необходимости «судейской деятельности» Бога в периоды лихолетий, и эта мысль подчеркивается переключкой со словами о нравственных началах в прокурорской речи (о «чуть тепленьком отношении»). Они напоминают фрагмент из Откровения святого Иоанна Богослова («знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден, или горяч!» (Откр. 3: 15)).¹³ Таким образом, спасительные для отечественного правосудия слова Кони берет из уст морально неустойчивого, но правого в отношении нравственных начал прокурора и «скрывает» за завесой лозунга Великого инквизитора — ничего не менять. Однако без начальной части этого лозунга («Не приходи больше») великая инквизиция не имеет своего воплощения.

Слова самого Кони были искажены в советский период. Например, в одном из предисловий к очерку «О нравственных началах» из слов о необходимости напряжения душевных сил при поиске судебного решения была случайно, близко к тексту выведена формула безапелляционности судопроизводства.¹⁴ Сегодня в законе есть слово «совесть». Но из-за навязанной лицемерием формальной школы права привычки к пониманию нормы внутреннего убеждения как формулы безапелляционности судебной власти слова о совести остаются мертвыми (суд по совести — это не цель, а констатируемое средство, поэтому нелепо жаловаться на априори совестливый суд).¹⁵

Может быть, предполагая такой поворот, вскоре после ухода Достоевского из жизни Кони выступил с докладом «Достоевский как криминалист» на общем собрании юридического общества при Петербургском университете.¹⁶ Он мог предусмотреть перспективу, в которой заданный вектор дискуссии вернет на повестку дня главное, на время утраченное: «...классические формы уголовного процесса трогать не нужно <...> с помощью криминалистики можно улучшить информационное насыщение в отправлении правосудия, но формы должны остаться традиционными <...> уголовный процесс должен обеспечивать человеческий взгляд». ¹⁷ Модель расследования по принципу внутреннего убеждения, показанная в романе «Преступление и наказание», — ключ к пониманию того, что расследование должно быть основанным на нравственных началах.

¹³ В отношении догматов христианского учения в романе может вызывать вопросы только интерпретация евангельского чуда претворения воды в вино, а также некоторые аспекты образа Алексея (например, стремящийся «не судить» ближнего Алексей на суде дает умалчивающие, ущербные, неполноценные показания в пользу брата, вызванные усилиями адвоката, а не собственной волей).

¹⁴ В предисловии к изданию этого очерка А. Б. Амелин и М. М. Выдря изложили слова Кони о психологическом состоянии судьи «я не могу иначе» в новом понимании. Они писали: «В „Нравственных началах“ А. Ф. Кони показывает, что судья не имеет права решать вопросы исходя из принципа „я так хочу“, он должен руководствоваться положением „я не могу иначе“, ибо это ему (судье) подсказывает логика, внутреннее убеждение, жизненный опыт и смысл закона» (цит. по: Кони А. Ф. Избр. произведения: В 2 т. М., 1958. Т. 1: Статьи и заметки. Судебные речи / Сост. А. Б. Амелин. С. 16). Дословно в очерке Кони говорится: «...судья, решая дело, никогда не имеет ни права, ни нравственного основания говорить: „Sic volo, sic jubeo!“ — Я так хочу. Он должен говорить, подобно Лютеру: „Ich kann nicht anders!“ — Я не могу иначе, не могу потому, что и логика вещей, и внутреннее чувство, и житейская правда, и смысл закона твердо и неуклонно подсказывают мне мое решение, и против всякого другого заговорит моя совесть, как судьи и человека» (Кони А. Ф. Нравственные начала в уголовном процессе. С. 39).

¹⁵ См. практический пример из статьи: Селина Е. В. Нравственные начала уголовного судопроизводства // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 4. С. 799. Понятие «нравственные начала» уголовного судопроизводства рассматривается в юриспруденции вне анализа определенных правовых норм, а следовательно — вне предложений об их изменении. Считается, что можно отдельно от реформирования текста закона развивать нравственные начала. Анализ нравственных начал может привести к рекомендации изменить закон, но не обязательно.

¹⁶ См.: Марков М. А. Ф. М. Достоевский как криминалист в оценке А. Ф. Кони // Вологодские чтения. 2006. № 60. С. 26—28.

¹⁷ Головкин Л. В. «Можно приветствовать наших судей, которые не хотят упрощения правосудия» // Уголовный процесс. 2017. № 1. С. 45.